

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
ПСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИМЕНИ С. М. КИРОВА

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

выпуск № 28

кафедр литературы и русского языка

Лениздат — 1968 г.

Редакционная коллегия:

Л. Я. Костючук — отв. редактор

Л. И. Вольперт

З. А. Дмитриева

Л. И. ВОЛЬПЕРТ

ОСОБЕННОСТИ ПУБЛИЦИСТИКИ ЖАН-РИШАРА БЛОКА В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Жан-Ришар Блок принадлежит к замечательной плеяде французских писателей, отдавших все свои силы борьбе против реакции, фашизма и войны.

Прозаик и поэт, теоретик искусства и драматург, переводчик и публицист, Жан-Ришар Блок прошел сложный и трудный путь, типичный для мелкобуржуазного писателя, порывающего со своим классом.

От критики французской действительности и буржуазного искусства, через активную антифашистскую деятельность в 30-е годы, к борьбе писателя-коммуниста против международного фашизма в годы второй мировой войны — вот путь, который прошел Блок.

В творческом наследии Блока значительное место занимает публицистика. В своих первых публицистических книгах («Карнавал мертвых» — 1920, «Судьба века» — 1931, «Судьба политики» — 1933, «Рождение культуры» — 1936) писатель выступает как философ и историк, пытающийся раскрыть причины того морального опустошения, которое принесла европейскому обществу первая мировая война.

Эти сборники резко антибуржуазны, для них характерна всесторонняя, широкая и страстная критика буржуазного мира. В форме историко-философских этюдов Блок широкими штрихами изображает судьбу целого поколения. Это публицистика раздумий и поисков; писатель стремится к обобщающим образам, глубокому анализу.

Однако для взглядов Блока этих лет характерна некоторая идеологическая незрелость, он пока еще кабинетный публицист, не связанный живыми узами с народной борьбой. В раннем творчестве писатель обращается к интересам узкого круга интеллигенции.

Тяжеловатый, избыливающий большими периодами язык, оби-

лие метафор, сравнений, взятых из мифологии, условная символика, понятная лишь избранным, придают стилю характер кабинетной учености и книжной риторичности.

Участие в антифашистской борьбе 30-х годов, поездка в борющуюся Испанию, редактирование крупной коммунистической газеты «Се Суар» закалили Блока как борца-антифашиста.

Книга «Испания, Испания!» (1937) — первый опыт писателя в жанре острой злободневной публицистики. Блок правдиво изображает в своей книге героическую борьбу испанского народа, разоблачает политику «невмешательства» буржуазных государств и страстно призывает придти на помощь Испании.

В этой книге проявились характерные качества Блока-публициста: способность к острому анализу политической ситуации, умение быстро откликаться на волнующие события и яркий темперамент.

Стиль книги «Испания, Испания!» существенно отличается от стиля предыдущих сборников. Простой доступный язык, отсутствие сложных риторических приемов, насыщенность конкретными фактами, жизненными картинками, апелляция к массовой аудитории — все это было новым для публицистики Блока.

Но вершиной творчества Блока-публициста были его выступления по радио для Франции в годы второй мировой войны.

Преследуемый гестапо, Блок в апреле 1941 г. был вынужден покинуть оккупированный Париж и уехать в Советский Союз. Здесь с июля 1941 г. по конец 1944 г. Ж.-Р. Блок регулярно два раза в неделю выступает по радио для Франции.

Более ста лучших радиопередач Блока были посмертно изданы в Париже в книге «От Франции преданной к Франции вооруженной»¹⁾. Эта книга в 1949 г. была удостоена Золотой медали мира.

В центре всех передач Блока — Франция, преданная, но не покоренная, ее страдания и борьба. Большое место в передачах занимает тема Советского Союза: события на фронтах, героический труд советских людей в тылу, партизанская война, проблема подлинной цивилизации, нового человека, социалистической культуры. Блок показывает своим соотечественникам, что на советско-германском фронте решается судьба не только Советского Союза, но и Франции.

Радиопередачи Блока представляют собой не просто ряд отдельных выступлений, освещающих события, а как бы единое целое, проникнутое одной идеей, одной страстной тенденцией. Они составляют все вместе как бы ежедневный разговор писателя со своими соотечественниками о событиях на фронтах, о подлости предателей, о терроре врага, о жертвах и героях борьбы, о близ-

¹⁾ J-R Bloch, De la France trahie à la France en armes. Commentaires à Radio-Moscou, Paris. Éditions Soceales, 1949.

ком освобождении. Сегодня — это очерк полный гнева и сарказма, завтра — это комментарий к сводке Совинформбюро, задушевная беседа о страданиях родины или «календарь ненависти».

Прекрасный знаток Франции, ее истории, культуры, ее обычаев и нравов, Блок выступает в этой «говорящей газете» не только как историк, политик и мыслитель, но и как замечательный художник.

Художественное своеобразие радиопередач Блока во многом определено самой их формой. Радиопередачи — особый вид публицистики, отличный от статьи, эссе или любого другого вида книжной публицистики. Они должны восприниматься на слух, их нельзя перечитать.

Эта особенность сближает радиопередачи с ораторской речью. Ораторское искусство предполагает факт непосредственного взаимодействия оратора и его аудитории. В данном случае нельзя говорить о непосредственном взаимодействии, но все же какой-то контакт между Блоком и его аудиторией несомненно существовал. В эфире регулярно, два раза в неделю, звучали голос и имя Блока, известного публициста, редактора большой коммунистической газеты, и французы ловили этот голос. «Шел снег, погода отвратительная. В глубине фермы потрескивал маленький приемник — ток был очень слабый. И вдруг, на коротких волнах, — этот голос, этот знакомый голос, который говорит из такого далека... из Москвы. Жан-Ришар! Он говорил для всех, и он говорил так, как никто не говорил. И ведь это была Франция, которая возвращалась к нам издалека»,¹⁾ — так вспоминал Арагон.

Перед писателем стояла задача сделать свои выступления убедительными, доходчивыми, чтобы они легко воспринимались на слух. Как всякая ораторская речь, они должны были убеждать и при этом не только обращаться к рассудку, но и к сердцу. Следует помнить также, что выступления Блока по радио были строго ограничены во времени (15 минут). Все эти требования определили основные особенности радиопередач, их конкретность, логичность, образность, эмоциональную взволнованность и известную лаконичность.

Быть может, самой характерной особенностью радиопередач Блока является их своеобразный «субъективизм». Большинство радиопередач Блока ведется им от своего лица, события изображаются как бы увиденными глазами автора, как бы преломленными через призму его восприятия.

Перед слушателем возникает не просто какая-нибудь картина действительности, а почти всегда сам писатель, который видит эту картину. Часто уже первая фраза передачи приобщает слушателя к переживаниям, испытанным автором: «Когда я по-

¹⁾ L. Aragon, Adieu à J-R Bloch, «Europe», V 1947, p. 5.

кидал Париж...»¹⁾), «С каким жаром и состраданием расспрашивали здесь меня о моральном и материальном состоянии нашей страны».²⁾

Часто, рассказывая о какой-либо победе Советской Армии или французских патриотов над гитлеровцами, Блок сообщает, при каких обстоятельствах до него дошла эта радостная весть. «Снова в эту ночь зазвонил телефон, как это бывает всякий раз, когда получено доброе известие из Франции и друзья нашей страны спешат мне его сообщить».³⁾

Изображая прошлое французского народа, Блок нередко передает его через свое личное восприятие: «Услужливый случай помог мне натолкнуться у одного московского букиниста на номер французского ревью апреля 1938 г., т. е. кануна Мюнхена».⁴⁾ Передача от 5/IX-1944 г., посвященная битве на Марне, начиналась так: «30 лет тому назад в такое же утро, на заре, нас, солдат в красных панталонах, собрали, чтобы зачитать нам приказ Жоффа...».⁵⁾

Передачу от 18/VII-42 г. писатель начинает с большого лирического отступления, в котором он говорит о только что перенесенной им тяжелой болезни: «Мои соотечественники, мои друзья, прежде чем перейти к сегодняшнему комментарию, я хочу выразить вам свою радость, что снова обрел контакт с вами.

Тяжелая болезнь удалила меня на долгие недели от микрофона. Сегодня, выздоровевший, я чувствую себя обогащенным еще одним знанием: я на личном опыте узнал советскую медицину и заботу о госте, которую можно найти в этой стране. Я испытываю признательность, которой равно лишь мое восхищение. А что сказать о внимательности, которую французский писатель встречал со стороны всех его окружавших. Вот, друзья мои, как Советский Союз умеет принимать своих гостей! Такой урок вполне стоит болезни! А теперь — к серьезным вещам!».⁶⁾

Трибуна, предоставленная Блоку Советским Союзом, давала ему возможность непосредственно обращаться к французским патриотам. У Блока была счастливая возможность, которой не было во Франции у загнанных в подполье патриотов, — громко, во весь голос, рассказывать правду о войне, разоблачать предателей, звать французов к борьбе. И, конечно, он должен был это делать от своего имени, непосредственно обращаясь к своим соотечественникам.

Передачи шли под его именем, и это доставляло писателю радостное ощущение личного участия в борьбе и одновременно ост-

¹⁾ J-R Bloch. «De la France trahie à la France en armes», Paris, Editions Soc. ales, 1949, p. 12.

²⁾ Там же, стр. 15.

³⁾ Там же, стр. 445.

⁴⁾ Там же, стр. 344.

⁵⁾ Там же, стр. 440.

⁶⁾ Там же, стр. 141.

рую боль, так как во Франции оставалась его семья — мать, дочери, сыновья, внуки, на которых могла пасть месть оккупантов и предателей Виши. Действительно, немцы казнили 84-летнюю мать Блока, его старшую дочь, племянника и зятя.

Но тот факт, что в эфире звучали голос и имя Блока, известного публициста, редактора большой коммунистической газеты, имел огромное значение, усиливал убедительность его выступлений.

Блок чувствует себя неразрывно связанным с французским народом, и это ощущение близости позволяет ему обращаться к французам так, как будто он среди них, как будто он и его слушатели находятся рядом, а не отделены тысячами километров друг от друга.

Он обращается к своим слушателям с вопросами, замечаниями, советами, рекомендует обратить внимание на определенные факты.

Так, комментируя в передаче одно из выступлений Петэна по радио, Блок как бы ведет с соотечественниками живой разговор: «Я вам напомню...», «А помните ли вы третью часть его речи?», «И заключение... я вам его напомню...».¹⁾ «Но возьмите карту, отметьте основные пункты этого широкого советского наступления»,²⁾ — советует Блок в другом выступлении. «Я повторяю вам данные задачи...»,³⁾ — говорит он в передаче о форсировании Красной Армией Днепра.

В радиопередачах Блока приобретают особое значение ораторские приемы, которые способствуют сильнейшему воздействию на аудиторию.

К таким приемам, прежде всего, относятся риторический вопрос и риторическое обращение. Риторические вопросы в передачах Блока несут самую разнообразную смысловую нагрузку. Часто они употребляются автором для того, чтобы заострить внимание слушателей на особо важных моментах: «Кто сделал подобное заявление?.. В беседе с кем? Какого числа?»,⁴⁾ или для того, чтобы возбудить интерес: «Вы узнаете Сирано, Сирано де Бержерака? Где играют Сирано? Здесь! В Москве!».⁵⁾

Сила риторического вопроса, как острого ораторского приема, особенно вырастает, когда он обращен к врагу. Его задача — нападение на противника, разоблачение, высмеивание врага. Благодаря риторическому вопросу речь драматизируется, появляется образ противника: «Как, все же, вы спите, маршал Петэн? Спокойно? Без кошмаров? Какие чувства испытываете вы, когда слышите исполнение Марсельезы, которую пели, падая

1) Там же, стр. 42.

2) Там же, стр. 72.

3) Там же, стр. 326.

4) Там же, стр. 56.

5) Там же, стр. 329.

под немецкими-пулями, 50 заложников Шатобриана?».¹⁾ По поводу гитлеровца, недоумевающего, за что он так наказан, оказавшись в пекле Сталинграда, Блок с негодованием восклицает:

«Какое зло ты совершил, тупой солдат Гитлера? Ты уже забыл Намюр в огне, Амьен в огне, Бове в огне, Орлеан в огне... Убийца, ты забыл как падали заложники под огнем твоего пулемета? Тебе ничего не говорят, о грабитель с большой дороги, Бельгия и Франция, изнасилованные телесно и духовно, ограбленная Европа..!»²⁾

Функция риторического обращения в передачах Блока также различна в зависимости от того, адресовано оно друзьям или врагам.

Обращенное к соотечественникам, оно подчеркивает близость писателя слушателям: «Да, соотечественники моей маленькой Родины, да, женщины и мужчины Эльзаса и Лотарингии, у вас было свое место во французском фруктовом саду. Но его нет у вас больше во фруктовом саду Петэна!».³⁾ «Это нужно хорошо помнить, французский народ!».⁴⁾

Совсем иной характер приобретает обращение, адресованное к врагу. В радиопередачах Блока обращения такого рода чаще всего создают иронический эффект. Сообщая о лицемерных словах одного из французских предателей, Блок восклицает: «О, мосье министр, как это нехорошо врать!».⁵⁾ Ирония достигается благодаря несоответствию интимной формы обращения и смысла его.

Эмоциональному звучанию радиопередач Блока способствуют и такие приемы усиления, как повторение и перечисление, параллельная конструкция фраз — «градация».

Блок охотно использует прием повторения, который способствует эмоциональному напряжению речи. По этому принципу построена одна из самых сильных радиопередач Блока, передача о Риомском процессе над депутатами-коммунистами. По своей форме она напоминает историческое выступление Золя «Я обвиняю». Гневно обрушиваясь на предателей, которые имеют «дерзость и наглость» обвинять других в поражении Франции, Блок говорил: «От имени этой поверженной Франции я, французский гражданин, ветеран Марны и Вердена, срываю маски и обвиняю...».⁶⁾ Затем 10 раз повторяется начало фразы «Я обвиняю Петэна и его банду...», за которым всякий раз следует новый пункт обвинения.

Иногда повторение в передачах Блока придает речи саркастическое звучание. Так, в начале одной передачи, Блок сооб-

1) Там же, стр. 94.

2) Там же, стр. 245.

3) Там же, стр. 34.

4) Там же, стр. 85.

5) Там же, стр. 107.

6) Там же, стр. 85.

щает, что немецкие колонизаторы, предполагавшие навечно обосноваться на Украине, прикатили туда «с их дамами и маленькими семьями». Однако им вскоре пришлось срочно убраться отсюда «с их дамами и маленькими семьями».¹)

Риторический прием контраста, столь распространенный в ораторской речи, также часто встречается на страницах радиопередач Блока. Контраст позволяет глубже вскрыть сущность изображаемого, заострить внимание на варварской сущности идеологии фашизма.

«Сравните две картины, которые я вам нарисовал, — обращается Блок к своим слушателям, — с одной стороны, чудовищное дело тупости, разрушения и ненависти, с другой — дело созидания, веры, труда, любви... Мрак и свет. Выбор Францией сделан. Свет победит тьму...».²)

Для убедительности ораторской речи большое значение имеет хорошо подобранный иллюстративный материал. Блок широко использует в своих радиопередачах самые разнообразные формы иллюстраций: популярное фаблио и живую зарисовку, красноречивые цифры и выразительную цитату, картинку из героического прошлого Франции и анекдот.

Блок часто обращается к народному юмору, фольклору, черпая из него богатый материал для сатирического изображения врага.

В народном прованском творчестве распространен образ марсельца — вруна и хвастуна, который Блок использует для высмеивания Гитлера.

Гитлер так долго кричал о военной слабости СССР, что в конце концов сам поверил этому. Блок сравнивает его с марсельцем, «который, выдумав историю об огромной сардине, замкнувшей вход в порт, кончил тем, что сам сбегал посмотреть, правда ли это».³)

Утверждая, что под влиянием жестоких ударов, наносимых Красной Армией, немцы теряют свою спесь, начинают задумываться и на глазах умнеют, Блок шутливо пишет, что немцы дали новый современный вариант одного французского фаблио: «Одно старое французское фаблио называется: как девушки становятся умными. Фрицы нам показали современный вариант этого фаблио: как, наконец, умнеют боши. Единственный способ придать им ума: бить их. Без остановки. Без жалости. Без колебания. Бить все сильнее и сильнее».⁴)

Изобличая предателя Петэна, который вовсе не стремится к освобождению Франции, Блок прибегает к ироническому сравнению: «Но маршал вовсе не хочет, чтобы его освободили. Он,

1) Там же, стр. 36.

2) Там же, стр. 135.

3) Там же, стр. 52.

4) Там же, стр. 302.

как жена Сганареля, говорит: А если мне нравится быть битой?».¹⁾

Радиопередачи Блока пестрят живыми зарисовками, жанровыми сценками, яркими картинками. Блок — художник, автор романов и повестей, чувствуя себя здесь в своей стихии. Иногда комментарий целиком состоит из зарисовок. Писатель как бы переводит объектив киноаппарата с места на место и показывает крупным планом отдельные кадры. Так, в передаче о Ленинграде от 18/IX-1941 г. Блок дает ряд зарисовок, показывающих героизм и мужество ленинградцев. После каждой зарисовки повторяются слова: «Итак, Ленинград держится!»

Иногда живая сценка сверкнет неожиданно яркими красками в деловом политическом комментарии. В передаче от 15/IX-1941 г., разоблачающей Петэна, Блок высмеивает лживую профашистскую печать во Франции.

«Нам прожужжали уши в «Эвр», «Пари-Суар», «Матэн» и других половых тряпках Геббельса, о национальных — читайте вишистских, коллаборационистских, прогитлеровских — чувствах, которые испытывают наши два миллиона военнопленных в германских лагерях».²⁾ Хлесткое определение вишистской прессы (*torchons de Gebbels*) презрительный глагол (*rabattre les oreilles*) и, наконец, ироническое разъяснение, что означает слово «национальный» в понимании предателей, придают этим фразам саркастический тон. Он пишет об изображении в коллаборационистских газетах «сладкой» жизни французских военнопленных в Германии, которые будто бы... «после обильной трапезы, покачиваясь в качалках, куря гаванские сигары, наслаждаясь атмосферой мягкости и предупредительности, ведут роскошную жизнь».³⁾

Эта сатирическая картинка неожиданно обрывается и совсем в ином тоне Блок продолжает: «Итак, поезд с французскими военнопленными, которые по возрасту подлежат освобождению, пересекает Германию...». Далее следует живой рассказ. На одном из полустанков этот поезд встречается с другим, из которого доносится французская речь: «Наши военнопленные выскакивают из вагонов с протянутыми руками, готовые брататься. Кто вы? Откуда вы? Несколько фраз им все разъясняют. Их изумление безмерно! Они имеют дело не с французами, они разговаривают с добровольцами Дорио и Лавалья... Поднимаются крики «Предатели!», «Негодяи». И, подвергаясь риску нового заключения,... наши brave соотечественники выскочили из вагонов и надавали добровольцам по рожам».⁴⁾

Иногда живо нарисованная картинка превращается под пе-

¹⁾ Там же, стр. 259.

²⁾ Там же, стр. 46.

³⁾ Там же, стр. 46.

⁴⁾ Там же, стр. 46.

ром Блока в зловещий символ. Так, в одной из передач Блок рисует своих спутников по купе и среди них гражданского немца Мюллера, обычного коммерсанта, будничного и домашнего «в маленьком цилиндре из зеленого фетра».¹⁾ В его внешности нет ничего разбойничьего, он никого не убивает и не грабит, он просто курсирует по Парижу с новеньким чемоданом в руках и скупает французские товары «на основании эквивалента — 20 франков за одну марку».²⁾ Чтобы подчеркнуть типичность этого образа, Блок заполняет миллионами Мюллеров все французские магазины. Чемоданы «новенькие, сверкающие, набитые до отказа» (*neuves, luisantes et rebondies*) — необходимое дополнение Мюллеров — персонифицируются под пером Блока и превращаются в ненасытных всепоглощающих зверьков. «Они внезапно, как по мановению волшебной палочки, сошли с полок магазинов, на которых они мирно спали, и начали свой неутомимый бег... Видели, как они входили пустыми... и выходили наполненными до отказа...».³⁾

Мюллер и его чемодан вырастают в зловещий, страшный своей будничной серостью символ грабежа страны, «обглоданной до костей».⁴⁾ От отдельного факта, живой зарисовки Блок идет к обобщению, к символу.

Одним из видов иллюстраций, который часто использует Блок, является цитата. Блок охотно передает своим соотечественникам слова советских людей, писателей, генералов, воинов.

Часто прибегает Блок и к цитированию высказываний врага.

Слова врага — грозное оружие против него самого.

Всякая ораторская речь полемична, она направлена на разоблачение противника, с которым оратор ведет спор. Цитирование слов врага, так же, как риторический вопрос и риторическое обращение, адресованные врагам, являются выражением полемической структуры ораторской речи.

Показательно в этом плане выступление Блока от 15/IX-1941 г., целиком посвященное анализу речи Петэна от 12/IX 1941 г. «Я вам напоминаю, что эта речь, как всякая хорошо сделанная французская речь, состояла из трех частей:

1) Мы в тупике.

2) Почему мы в тупике.

3) Как я предполагаю выбраться из тупика».⁵⁾

Далее Блок заявляет, что содержание этих трех частей позволяет озаглавить их следующим образом:

«1) Чем дальше, тем меньше французы меня выносят.

2) Почему французы меня не выносят.

1) Там же, стр. 21.

2) Там же, стр. 21.

3) Там же, стр. 21.

4) Там же, стр. 22.

5) Там же, стр. 44.

3) Как я предполагаю заставить их изменить свое отношение». ¹⁾

Иронический эффект достигается здесь благодаря тому, что Блок в насмешливой форме разоблачает скрытую растерянность и тревогу предателя. Несоответствие формы тезисов высокого ораторского искусства и злой насмешки, вложенной в рамки этих тезисов, придает комментарию издевательский характер.

Блок цитирует «изумительное начало» речи Петэна, в котором маршал горько сетует, признавая, что «над страной... дует злой ветер... Беспокойство овладевает душами... Подлинная болезнь затронула французский народ...» ²⁾

Блок сопровождает эту цитату из начала речи Петэна ироническим комментарием:

«Великолепная картина, мои соотечественники! Описание, которое какой-то юморист, не подозревающий о своем таланте, какой-то шутник, не умеющий посмеяться про себя, несомненно составил для маршала». ³⁾

Желая показать, что Петэн в своей речи невольно высмеял самого себя и свой режим, Блок саркастически уверяет, что кто-то посмеялся над маршалом, составив ему эту речь. И он начинает полемику с этим «юмористом»: недоверие французов к Петэну возникло не несколько недель назад, а гораздо раньше.

«Развод Франции и Петэна начался с июня 1940 года. Он начался с измены, капитуляции, государственного переворота, с законов мести. Он начался с Монтуара, со встречи со «столь любезным» мосье Гитлером, о любезности которого французские матери Орлеана, Тура, Амьена, Бове, Этомпа, всего севера Франции сохраняют острое воспоминание, о любезности которого французские матери, стоящие в очередях перед мясными, хлебными, молочными лавками..., имеют мнение, несколько отличное от того, которое с наглостью и бесстыдством выразил старый маленький король Виши». ⁴⁾

Речь Блока полна обличительного пафоса. Здесь мы видим уже не короткие, броские, иронические фразы, а большие периоды с повторениями одной и той же конструкции.

Далее Блок продолжает комментировать речь Петэна в том же ироническом духе. «А помните ли вы третью часть его речи, ту, в которой говорится о лекарствах? Двенадцать пунктов. Из них девять — о полиции и репрессиях. Только эти девять даны в изъяснительном наклонении, в настоящем времени. Только они имеют позитивный характер, четкую форму и подлежат немедленному выполнению.

Остальные три — об экономических реформах; эти вдруг

¹⁾ Там же, стр. 44.

²⁾ Там же, стр. 45.

³⁾ Там же, стр. 45.

⁴⁾ Там же, стр. 46.

приобретают туманную форму, рассчитаны на отдаленное время, имеют предположительный характер».¹⁾ Блок в нескольких фразах разъясняет сущность «лекарственных мер» Петэна, которые, по замыслу маршала, должны были «излечить» французский народ. С помощью количественного сравнения и иронического сопоставления грамматической формы (с одной стороны, девять пунктов, с другой — три, с одной стороны, глагол стоит в изъявительном наклонении, в настоящем времени, с другой — в будущем времени), с помощью умело подобранных эпитетов (с одной стороны, позитивный характер, четкая форма, незамедлительное выполнение; с другой — туманная форма, расчет на отдаленное время, предположительный характер) Блок показывает, какое место среди «лекарственных средств» Петэна занимают репрессии и какое — экономические реформы. Далее ироническое комментирование речи Петэна продолжается: «И заключение! Оно написано золотыми буквами, это заключение. Я вам его напомню». Блок цитирует высказывание Петэна: «Побежденная страна, если она разъединена, погибает, а если она сумеет объединиться, возрождается» — «Браво! Браво! Мы полностью согласны...».²⁾ Здесь прием, который часто встречается в радиопередачах Блока. Он цитирует высказывание врага, вкладывает в него совсем иной смысл, затем подхватывает эти слова врага и полностью присоединяется к ним.

В данном случае слова Петэна о слабости разъединенной и силе объединенной страны проходят в дальнейшем через всю передачу как лейтмотив. Писатель тотчас же разъясняет свое понимание слов Петэна: «Какая радость для нас знать, что никогда еще Франция не была менее разъединена, никогда еще она не была более едина. Но только совсем в ином смысле, чем думает маршал».³⁾ Разъясняя, в чем состоит единство Франции, Блок прибегает к повторению фраз одинаковой конструкции, к приему перечисления. Франция объединяется «...против Гитлера, т. е. против Монтуара, против каллаборационизма, против измены, против расчленения страны, против унижения, против Лавая, против Дарлана...».⁴⁾

Затем, возвращаясь к комментированию речи Петэна, Блок напоминает своим слушателям высказывание Петэна о непреложности его власти: «Существует лишь та власть, которую я представляю».⁵⁾ Писатель сопровождает это высказывание язвительной репликой: «Людовик XIV не говорил иначе».⁶⁾

1) Там же, стр. 47.

2) Там же, стр. 47.

3) Там же, стр. 47.

4) Там же, стр. 47.

5) Там же, стр. 47.

6) Там же, стр. 46.

Высмеивая монархические замашки Петэна, Блок иронически называет его: «гордый монах Виши — государства».¹⁾

Типическая особенность стиля радиопередач Блока — художественная образность речи. Художественный образ в публицистике существенно отличается от образа в художественной литературе. В публицистике, в которой такое огромное значение имеет логичность и убедительность прямых умозаключений, художественный образ отнюдь не является важнейшим способом отражения действительности и воздействия на читателей, как это имеет место в художественной литературе. В публицистике образ служит средством усиления выразительности и убедительности мысли, он имеет служебное, вспомогательное, а не самодавлеющее значение. Публицистика мыслит не образами, а логическими категориями.

Тем не менее и в публицистике художественный образ обогащает произведение, делает его намного выразительней и ярче.

Для публицистики характерно использование готового образа, взятого из художественной литературы, привычных метафор, крылатой фразеологии.

Блок охотно использует привычные метафоры. «Франция, которой разбили сердце и всадили нож в спину».²⁾ «Франция, схваченная за горло»,³⁾ «распятая изменой»,⁴⁾ «затоптанная немецким сапогом»,⁵⁾ «избитая, преданная, униженная, но все еще живая»,⁶⁾ «Германия — чудовищный спрут, устремивший свои щупальца в самое сердце Франции»,⁷⁾ «Вся Германия, военная и гражданская, мужская и женская, невежественная и дипломированная, бросилась на Европу с вытянутыми когтями, блестя глазами от вожделения»,⁸⁾ «...фашистская Италия... не может сделать ни одного шага без помощи немецких костылей».⁹⁾

Часто использует Блок и литературный образ. О Гитлере, который хочет выдать себя за спасителя цивилизации, писатель замечает: «третье перевоплощение Вотрена!».¹⁰⁾ В одной из передач Блок использует образ Зигфрида, который выковывает сказочный меч и сносит им голову жестокого чудовища, пожиравшего людей. Тем самым Блок использует в борьбе с фашистами образ их любимого литературного героя.

Язык радиопередач Блока простой, ясный и конкретный. Блок

1) Там же, стр. 46.

2) Там же, стр. 66.

3) Там же, стр. 67.

4) Там же, стр. 56.

5) Там же, стр. 199.

6) Там же, стр. 59.

7) Там же, стр. 223.

8) Там же, стр. 206.

9) Там же, стр. 204.

10) Там же, стр. 52.

внимательно относится к отбору языковых средств. Касаясь поражения Роммеля в Африке, Блок говорит об «обезштанивании», которое только что перетерпел «непобедимый маршал»¹⁾ «...la déculottée que vient de prendre l'envicible maréchal»). Неологизм (la déculottée — обезштанивание), употребленный рядом с эпитетом «непобедимый», придает фразе саркастический смысл.

Блок в своих радиопередачах часто употребляет вульгаризмы и презрительные обороты, которые служат для высмеивания врага: *etre dans le gâchis* (сесть в лужу),²⁾ *bourrer la tête* (забивать голову), *casser la gueule* (набить рожу),³⁾ *oser faire rosser à plates coutures* (дать себя разбить вдребезги),⁴⁾ *rabattre les oreilles* (прожжужать уши).⁵⁾

Для характеристики фашистов Блок часто вставляет в текст радиопередач особо выразительные немецкие слова. Отмечая организованность, методичность и аккуратность Мюллеров в грабеже, Блок пишет, что они грабят Францию «*gründlich*» (основательно) и «*mit Fleissigkeit*» (прилежно). Раскрывая страсть к разрушению, как самую характерную черту фашистов, Блок пишет: «...слова «*Vernichtung*», «*vernichten*» — «уничтожение», «уничтожить» появляются в каждой фразе фашистов, как рефрен, способный сильнее всего опьянить их душу». ⁶⁾ Другое любимое словечко фашистов «*organisieren*» означает «украсть». Блок иронически пишет: «Каждая неграмотная женщина в Европе знает, что слово «организовать» в устах фашистов означает «украсть». ⁷⁾

В своих радиопередачах публицист достиг высшей простоты, эмоциональной насыщенности и образности.

Выступления Блока создают в нашем представлении лирический образ автора, человека умеющего страстно любить и ненавидеть, замечательного патриота, борца и оратора.

Все события, происходившие во Франции или влиявшие на борьбу французского народа, составляли для Блока основное содержание его жизни. Личное и общественное выступает в его передачах в неразрывном единстве, с общим сочетается глубоко интимное, общественные события преломляются в сознании Блока, как личные.

Блок стремится не выделиться себя, свои чувства, как нечто особенное, а показать, что эти чувства свойственны всем честным французам, что он лишь один из многих тысяч патриотов, верных своей родине.

- 1) Там же, стр. 204.
- 2) Там же, стр. 44.
- 3) Там же, стр. 46.
- 4) Там же, стр. 52.
- 5) Там же, стр. 45.
- 6) Там же, стр. 142.
- 7) Там же, стр. 204.